

СХЕМА РЕАЛЬНОСТИ

ОСМЫСЛЕНИЕ СЕБЯ В
СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

НИКА БОБРОВА

12+

Ника Боброва

**Схема реальности. Осмысление
себя в современном контексте**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Боброва Н.

Схема реальности. Осмысление себя в современном контексте /
Н. Боброва — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Это не роман и не набор "ты узнаешь как" - это приглашение поговорить о человеке рефлексирующем о самом себе и предлагаемых обстоятельствах. "Схема реальности" это возможность взять тайм-аут для того, чтобы переоценить себя и свой опыт, сделать шаг в сторону от собственного тела. Анализируя морфологию действительности с двух ракурсов: рефлексии и ее переложения на бизнес-контекст, книга задает на первый взгляд очевидные вопросы и рассматривает такие простые понятия как "культура", "воля", мышление", входящие в повседневный лексикон, но на деле мало анализируемые, предлагая усомниться в общепонятном и даже общепринятом - при взгляде на реальность, на себя, на другого человека. Таким образом, увидеть за реальностью - схему реальности, позволить себе эволюционировать из объекта, формируемого средой, в субъект, эту среду создающий.

Содержание

Схема реальности.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Схема реальности.

Предисловие

С самого рождения человек формируется в предлагаемых обстоятельствах, что было сформулировано Марксом как «бытие определяет сознание». Это допущение не нравилось мне решительно никогда и приятнее было порассуждать, в каком случае это правило перестает действовать, какие условия позволяют превратиться из объекта, формируемого средой, в субъект, эту среду создающий. Речь идет об осознанности и способности если не изменить правила игры, то, по крайней мере, посмотреть на них извне, абстрагироваться и предложить свою повестку, творить. Герой это не человек, который совершает причинно-следственное действие, но действие, причиной которого становится он сам.

Тот же Станиславский, говоря о предлагаемых обстоятельствах, советовал действовать в них «как если бы», потому что именно с этих слов начинается осознание и творчество. Если бы я собирался выступить на конференции, я бы сделал то и то, причем, у каждого из нас «то и то» будет разным. Изучение режиссёрского мастерства неплохо компенсирует лакуны в знании философии, психологии – базовых, по современным меркам, дисциплинах для любого руководителя. Подобным образом действуют методика ТРИЗ, контактная импровизация, развитие креативности, – поэтому ведущие бизнес-школы учитывают их в программах развития лидеров. Современное бизнес-образование, как это ни странно, нащупывает правильный, в этом смысле, вектор развития новых лидеров, пользуясь продуктами конвергенции разных областей знания и потому неизбежно содержит попытки изменения структур личности, осторожно заводя разговор о таких «компетенциях будущего», как стратегическое мышление, эмпатия и импровизация. Заметьте, это интересным образом переплетается с основополагающими принципами З.Фрейда, определившего здоровую личность способностью работать, любить и играть. М.Мамардашвили повторял, что человек – это не врожденное качество, им необходимо каждый раз становиться в каждом действии¹ и в каждом намерении. Следовательно, структуры личности (характер, способности, эмоции, мотивация и даже воля, чувства и направленность личности) подлежат формированию в каждую единицу времени. Всякое намерение, также, как любой поступок, одновременно проявляет личность – и формирует ее. Часто ли мы вспоминаем об этом?

Человек живет в мире величин, и величины эти определяются конструктом называемым «обществом», – именно оно устанавливает законы, этику, мораль, моду, формирует границы прекрасного, принимает решение, каким должно быть «хорошее образование» и «релевантный опыт работы». Хотя общество само по себе конструкт ненадежный и, тем более, не авторитетный, потому как за обществом не стоит кто-то конкретный, а абстракция, усредненная копия многих в одном человеке – копия без оригинала. А потому величины, порожденные данным образованием, могут заключать в себе только такие же бесцветные усредненные безоценочные оценки. Оценки, не имеющие силы. Если проследить их эволюцию, то от морально-эстетических критериев, по которым определялось качество человека, общество пришло к вентрикулярно-люмпенской – внешней – оценке. Триумф физиологии. В какой момент форма заменила содержание? Может быть, этот вопрос продиктован моей попыткой оправдать собственный статус, а может быть, глубоким непониманием безликого общественного мнения, неприятием самого понятия «общественное мнение», которому можно противопоставить лишь трезвость взгляда и отдельный мыслительный акт.

¹ М. Мамардашвили. Возможный человек.

Выказывая пренебрежение к шаблону, я призываю не пренебречь рамками, а изучить их. И хотя недостаточно осознать обстоятельства, чтобы они перестали действовать, но сам по себе взгляд на них расширит угол обзора. Подобная рефлексия с неизбежностью приводит к критике – окружающего, себя, к независимости суждения, собственному взгляду, а собственное суждение (иными словами, независимое мнение) предполагает субъектность, возможность самому формировать повестку и двигаться, направление задаст внутреннее эстетическое. Заметьте, возможность, а не необходимость. Потому что потенция действия не обуславливает самого действия, способность к собственной эволюции не предполагает ее осуществление. Скорее, подобный анализ становится причиной повышения осознанности и ответственности за свои действия и даже за бездействие. Понятие осознанности, кстати, хотя и размасштабировалось в обиходе лишь в последнее время, но оно отнюдь не является новым, ведь это переиначенная формула логотерапии В.Франкла «восприятия человеком того, что происходит в собственном уме»². Именно на это я и предлагаю посмотреть в ряде рассуждений, расположенных в порядке, подразумевающим постепенный переход от рефлексии к прикладному подходу. Направить взгляд вглубь и вовне одновременно, отдать себе отчет о самом себе, обозначить себя в пространстве, пощупать действительность. Интересно, что исследование такого рода приводит современную аналитическую философию к тому, что И.Бродский сформулировал как «постепенно действительность превращается в недействительность», воспринимается не факт, а отличие факта от того, каким человек его себе представляет, и мы поговорим об этом.

«Может быть, величайшим триумфом человеческого гения является то, что человек может понять вещи, которые он уже не в силах вообразить», и, – продолжая мысль Л.Ландау, – объяснить. Как красиво он легализовал интуицию, позволив существовать всему тому, что ты угадываешь, предчувствуешь. Ведь осознание – это не что иное, как мгновенное знание, которое не всегда может быть выражено понятием, и, тем более, символом, это то, что передается молчанием и взглядом. Мне не о чем с тобой помолчать – это онтологический ужас и тоска по невозможности со-бытия, со-причастности, со-понимания, со-осознания. Н.Луман³ предполагал, что понятие смысла в психологии может быть связано с этой интегративной функцией сознания – интеграцией содержаний сознания в форму линейной последовательности или потока переживаний, и что такая интегрированность позволяет коммуникацию. Не существует «вообще человека», сферического и абстрактного, но существует каждый конкретный в каждый конкретный момент человек. Как не существует «вообще любви», – но существует конкретная любовь у конкретного человека. Любовь, сострадание, тоска. Мало ли на свете переживаний, актуализирующихся в каждый момент в каждой личности благодаря интегративной функции смысла еще в том смысле, что все они уточняются потенциально-аналогичными переживаниями. Что, в таком случае, есть “смысл” и “сознание”, конденсирующиеся в идею «личности». Величайшие умы анализировали возможность приближения к смыслу, к истине, и, так или иначе, приходили к тому, что И. Кант сформулировал как «всякое познание начинается с опыта», на непостижимость. И необъяснимость. И если ценность поиска заключается в самом поиске, в анализе личности и ее зависимости от контекста, то можно утешиться словами С.Х-окинга, о том, что прогресс состоит не в замене неверной теории на верную, а в замене одной неверной теории на другую неверную, но уточненную. Саморазвитие, судя по всему, не предполагает точки назначения, скорее всего – это и есть сам путь. Природа смысла абстрактна, и любая попытка понимания ведет к его декомпозиции на еще более абстрактное, на то, которое можно понять, но уже невозможно вообразить. И если чтение этой книги вызовет в каком-то сознании невнятное, не то подозрение, не то догадку, сомнение ли – в очевидном, общепринятом и обыденном, то я буду считать свою задачу выполненной.

² Джон Локк. Опыт о человеческом разумении.

³ Н. Луман. Общество как социальная система.

Устав человека в белом пальто

Человечность выше всех и любых принципов... даже тех принципов, которые порождены человечностью.

(Аркадий и Борис Стругацкие «ОЗ»)

Понимание, сердечность, искренность, беззлобие, добросердечность, да просто эмпатия – почему я их больше не вижу, куда они все исчезли? В какой момент люди превратились в функции в магазине, на почте, в офисе? Что это, обесчеловечивание? Компания Talespin создала симуляцию-разработку, созданную научить топ-менеджеров навыкам управления общения с сотрудниками. Искусственный интеллект учит человека быть человеком.

Не ссорься с коллегами, клиент всегда прав, пропускай даму вперед, не сочетай в одежде больше трех цветов, не нарушай ПДД – правила хорошего тона, устав, заповеди, Гражданский кодекс, Уголовный кодекс, Кодекс корпоративной этики, рамки и границы, принятые обществом, большинством в парламенте и твоей семьей, – вокруг одни моральные и нравственные ориентиры. Зачем столько напоминаний о правилах поведения? Неужели об этом надо напоминать? Поступок есть ежеминутный продукт сопряжения интенции и морали, фарватер, по которому сознательно, но чаще бессознательно, происходит калибровка, и, кстати, оценка окружающих, и этот этический буй градуирует *modus vivendi*, даже в условиях дрейфа. Любой из нас в каждый момент понимает, насколько отклоняется от. Мой ментор на вопрос, как она принимает решения, огорошила: «на основе интуиции», легализовав человеческое в человеке. Мощная сентенция и далеко не такая простая мысль, как может показаться на первый взгляд.

В какой-то момент указующие персты различной степени одаренности и образованности стали сходиться в точку под названием «осознанность», это случилось внезапно и недавно; хотя странно, что те же последователи Сократа не раскрутили ее. Осознанность – это насколько хвост виляет собакой, насколько ты отвечаешь за базар и анализируешь собственную интенциональность, насколько твое сознание способно к интроспекции. Часто ли задаешь себе вопрос «что сейчас происходит» или «почему веду себя именно так», подразумевая не свои домыслы, а именно объективный взгляд. Честный взгляд. Сакити Тоёда дал импульс на осознанный подход к производству, и теперь компании, внедряющие его инструменты, более-менее приучают сотрудников думать, однако только в рамках рабочего процесса; эти же сотрудники, выходя со сцены, машинально выходят и из роли, и вне офиса не пользуются инструментами того же Кайдзен или шесть сигм. Просто не все понимают, что так тоже можно было. Человек – размышляющее существо, тревожится о будущем, и этим отличается, по словам нейроученых, от всех других существ. Но где же новые современные философские или антропологические школы, кто их самые известные представители? В тренде власть инстаграмма, равнодушие к размышлению и бездумность – и не в последние годы, а в последние десятилетия.

Но вернемся – речь идет о том, как действует человек. Экономическим теориям о разумном индивиде, совершающем разумный выбор, предлагаю покурить в углу (большой привет Дэну Эраели). Поговорим о Супер-Эго, обо всем бессознательном, об установках, императивах, запретах, идеалах – о том, что я имею в виду, употребляя совокупное «этическое». Как мы определяем границы поведения, когда уже взрослые и мама на нас не смотрит? (Хотя, насколько мир был бы лучше, если бы всегда поступали так, будто на нас смотрит мама). Особенность идеального мира выражается в абсолютной правильности вектора поведения и мышления, причем, диктуется это не нормами и кодексами, а чуть ли не имманентной необходимостью им следовать. Сортировать мусор. Уважать старость. Так где же этот этический Северный полюс и как он формируется? Сельские жители не похожи на городских, «Богатый Север» радикальнейшим образом отличается от «Бедного Юга», антигерои обычно уродливы, опасный квартал неприятен на вид. А вчитайтесь в общеупотребительное «так поступать – некрасиво»

и «красота спасет мир». Представим себе общество, выросшее на улицах с красивыми домами и интерьерами (я не говорю о богатстве, вензелях и сусальном золоте, я говорю об эстетически приятном), в любящей интеллектуально развитой семье, среди умных и любознательных сверстников, слушая Вагнера и Чайковского, на рассказах Диккенса и Де Мопассана, под стихи Уитмена и Пастернака – произведения, являвшиеся с одной стороны, продуктами своих эпох, с другой – цивилизационно образующими. Давайте представим себе такое общество и вообразим себе распорядки и правила в нем, нужны ли они там в принципе? Они там избыточны. Моцарт, Рахманинов, Кандинский, Моне, Булгаков, Пастернак – родились не в трущобах, они были воспитаны языком, средой, тем, что мы называем «культурная традиция» и «круг общения». В Лозанне я увидела большими буквами «поэзия спасет мир» – интересно, швейцарцы знают, что перефразировали И.Бродского «Искусство поэтому, в частности литература – не побочный продукт видового развития, а наоборот; если тем, что отличает нас от прочих представителей животного царства, является речь, то литература, и в частности, поэзия, будучи высшей формой словесности, представляет собою, грубо говоря, нашу видовую цель»⁴. И хотя даже сам Институт философии РАН разделяет этику и эстетику, разнося их по разным кафедрам, я хочу вернуться к Аристотелевым трактовкам единства прекрасного и доброго, эстетического и этического, признаем прекрасное как доброе и приравняем искусство к прекрасному, а потому – морально высокому и чистому. Давайте также вспомним и Сократа, который считал знание и истину добром; Флобера, ставившего знак равенства между прекрасным и нравственным. Из этого получим почти математическую триаду абсолютных ценностей Истина-Добро-Красота, почти стирающую грань между эстетическим и этическим, создающим канву и основу этики. Примеры эти (или выразиться более радикально – «доказательства»), приводят нас к парадигме прямой зависимости этики от эстетики, и зависимость эта абсолютна и тотальна.

Да, ни одно поколение не научается у предыдущего истинно человеческому, любить, например. Однако каждое следующее поколение есть продукт эволюции и совокупности начал всех предыдущих поколений, имеющее в своем распоряжении более десятка великих ученых, поэтов и композиторов... Ты сам когда-нибудь слушал Брамса? А Пуччини? Многие вещи определяют сознание помимо бытия (и перспективы небытия), это – музыка, это – математика, это – язык. Чему можно научиться у поэта, так это зависимости удельного веса слова от контекста, сфокусированности мышления; поэзия – это не лучшие слова в лучшем порядке, это – высшая форма существования языка⁵. А знание нескольких языков? Ян Массарик точно ответил: «The more languages you speak – the more human you are». Освоение математики покажет, как посредством гармонично структурированного анализа можно вывести образ (набросок) Вселенной. Понимание основ композиции задаст вектор в направлении к прекрасному. Музыка же вообще является единственным видом искусства, который существует только когда она длится. В этом плане музыка как бы естественна, будучи самым временем, материализованном в звуке. Обобщая, античные мыслители именно так и представляли себе идеальное развитие человек – через посредство обучения математике, музыке, стихосложению и стратегии. Ты – продукт своего воспитания, своей эпохи. И ты же эту эпоху формируешь. А что, если каждого вновь родившегося ребенка перестать воспитывать, а начать любить, начать развивать – в этой парадигме? Это недорого и несложно. Я боюсь, мы получим качественно новое общество. Я боюсь, мы получим великих философов и блистательных ученых. Я боюсь, мы получим общество, в котором не нужны кодексы и регламенты, в котором стремление к прекрасному-доброму-истинному – потребность, а не обязанность. Я говорю не о необходимости новых концепций, а об интеллектуальном вакууме современности. И то, что я пытаюсь здесь обозначить набором синтаксических конструкций, – попытка несколько заглушить нака-

⁴ И. Бродский. Нобелевская лекция.

⁵ И. Бродский. Поэт и проза.

тывающее предчувствие эсхатологического ужаса и усилие посмотреть в бездну. Может быть, потребность подумать и начать разговор. Может быть, с надеждой на возражение или в принципе какой-нибудь ответ.

Реальность реальности

Созерцание, будучи первичной формой познания, предполагает отрешенность и возможность вычленять явление в пространстве и времени, определять его границы и характеристики, – и эта деятельность подразумевает, даже требует, отсутствие деятельности физической. Сознание способно выдержать лишь одну интенцию. Принимая во внимание скорость жизни и необходимость поглощения все большего количества информации и совершения все большего количества единиц действия на единицу времени, на созерцание, кажется, не остается времени. И мы хорошо знаем, что случается с органом, которым долго не пользуешься – он атрофируется. Поэтому давайте поработаем и присмотримся к настоящему.

Первая модальность настоящего – ускорение.

Шквал сигналов с самого утра, которые необходимо принять, отфильтровать и перевернуть. Погоня за собственным успехом, наполнение осмысленным действием каждой минуты, общение с «нужными людьми», занятия спортом, посещение модного мероприятия – не добился чего-то в каждую конкретную минуту – зря потратил время. Нужно что-то делать, двигаться, не стоять, не стоять! Времени совсем нет. Времени, кстати, нет. Есть действие сознания по распределению входящего потока сигналов в некую причинно-следственную структуру, что и дает нам «время». Но на подобные размышления времени как раз у современного человека нет, вопросы решаются мгновенными интуитивными догадками. Стругацкие подозревали, что человечество в своей истории разделится на две категории, не знали, по какому именно признаку, – у меня же есть подозрение, что по принципу отклонения от психологической нормы. Отдаляющиеся от нормы тревожные, с нестабильной структурой личности, сомневающиеся, в том числе и в себе, а потому способные к интроспекции и вообще к анализу, – будут составлять более «успешную» и более функциональную группу в силу высокой адаптивности и необходимости к саморазвитию. Эти люди – пациенты психушки, политики, артисты, деятели искусства, мыслители и писатели, самоубийцы, это умные люди, которые будут развиваться все быстрее. Бегущие с ускорением уже не смогут остановиться, – не помогают ни медитативные практики, ни гаджет-детокс курорты, ни спортзал по утрам. Интересно, ускорение бесконечно? Вторая группа – более близкое к «норме» ригидное большинство – в силу более устойчивых личностных структур не сможет обеспечить себе место в гонке из-за нежелания испытывать перегрузки от информационного передоза, а потому будет постепенно и медленно деградировать из-за неиспользования механизма анализа информации (и его постепенной редукции). Первое время эта группа еще будет пытаться мимикрировать под первых (умных), но в какой-то момент утратит способность и к этому.

Вторая модальность настоящего – симуляция.

«Постепенно действительность превращается в недействительность»⁶ – мы пересекли определённую точку, когда видимая реальность стала не совсем реальной. В одной реальности человек выпивает и подвозит взятки сумками, в другой вежливо улыбается и говорит правильные вещи правильным людям в правильном месте. Степень хорошеи определяется тем, как человек преподносит себя, а не тем, что он являет собой на самом деле – количество лайков и степень вуайеризма окружения определяет координату человека на оси «добро/зло». Причем, если тоталитаризм как бы толкал человека на некое расщепление на, скажем так, внешнюю политику и внутреннюю обособленность, то непонятно такое расщепление сейчас.

⁶ И. Бродский. В следующий век.

В полдень двадцать первого века хороший человек – это хороший, прежде всего, внешне, социально-одобряемый, вежливый, увлекающийся оперой и спортом, цитирующий немецких классиков (при этом, необязательно отличать Шпенглера от Шпеера). Это создает искусственную надстройку над жизнью, поведенческие виниры, сюрреальность. И если внимательно посмотреть вокруг, то зрение начинает покрывать жирная пленка состояния всеобщей лжи: все понимают, кто что представляет собой на самом деле, понимают, что к чему, но проигрывают странный спектакль, необходимый для выживания. Информация не информирует, высказывающий мнение человек повторяет услышанное, неясно, где чье умозаключение, мысль клиширована для удобства восприятия. Попадая в такую ситуацию тотальной неопределённости, где нет честности и мужества, но нет и трусости, нет вообще никаких убеждений и самой потребности в них, потому что их так удобно менять и симулировать, исходя из обстановки (в границах такого мира, и это страшно, получить пулю в грудь становится невозможно, ведь никто ничего никому не говорит прямо, в этом мире единственный возможный вариант смерти – пуля в спину), человеческое сознание оказывается в постоянном диссонансе от неразличимости мнимого и реального. Чтобы не утратить отношения с реальностью и здравый смысл, сознание мыслящей личности неизбежно уходит в состояние внутреннего изоляционизма (если хотите, внутренней эмиграции) от этого чудовищного мира всеобщей симуляции, мира, вышедшего за границы морали, за границы эстетики, мира, где нет никакого закона кроме лайка. В таком мире не остается никаких вариантов, кроме как придумать себе роль и, наступая на собственные ценностные установки взять роль и выйти на сцену вместе с остальными. Можно ли утверждать, что симуляция стала и способом существования, и способом защиты от существования? Медицина называет это шизофренией.

Третья модальность настоящего – обезличенность.

Вспоминая Платоновский постулат о непрерывности порождения, мир не создан раз и навсегда, он творится каждый миг (нашим собственным сознанием). И вот пребывающий между собой настоящим и фейковой реальностью индивид так или иначе ежеминутно выступает творцом мира, но это мир иллюзий. Говорить о честности и быть честным это разные вещи. Не существует абстрактной доброты, честности, предательства, жадности – все это свершается человеком только в действии. В сюрреальности человек заместил добрый поступок симуляцией добродетели так называемым «добрым намерением», получил моральную индульгенцию и стал считаться «добрым». Структура такого мира, состоящего из намерений и иллюзий, мира трансреального, по структуре более всего напоминает желе, которое не имеет ни четкой структуры, ни отдельного голоса, ни четких установок – легко пропуская любые колебания, каждая единица такого мира – желеобразный атом. Я говорю о полном отсутствии в таком обществе личности как психологической единицы с твердыми ценностными установками, транслирующимися вовне. При полном отсутствии внутреннего я, отсутствии идеалов, это желе с готовностью принимает любую максиму за высшую истину, которую тут же начинает проповедовать, даже если она противоречит нравоучениям вчерашнего дня. Отсутствие фильтра образованности позволяет толчку с одной стороны пройти через все желе, и нет внутренних структур, противостоящих этому движению. По странному закону, это желе имеет стремление поучать. Забавный феномен.

Мы живем в мире постреальности, как следующего этапа после постмодерна, когда стремление к истине стало нежелательным. Это можно назвать антропологической катастрофой, выражающейся в разрушении жизненно важного в человеке вследствие разрушения цивилизационных основ процесса жизни и общения⁷. Я не алармист и не утверждаю, что это новое явление – каждое столетие со времен создания Одиссеи или даже Ветхого завета устами великих философов описывало эпоху в терминах дегуманизации и распада личности. Но учитывая

⁷ М. Мамардашвили. Сознание и цивилизация.

эту тенденцию лучшим предприятием в данном случае я вижу интеллектуальное предприятие личности, как возможность подавить инерцию движения, редуцировать себя из окружающего, и, тем самым, наметить собственные личностные структуры. Субъективизироваться. Не призывая к революциям и разрушениям (боюсь, разрушение ритуалов и разоблачение символов симуляции приведет лишь к появлению новых, пустот не бывает), я смотрю скорее в сторону исследования, пытаюсь за реальностью увидеть схему реальности. Причинно-следственная связь существует только в отдельно взятом сознании, вспомните рассказ Рюноске Акутагавы «В чаще», где каждый из повествователей, свидетельствуя о событии, рассказывает историю, кардинально отличающуюся от «настоящей».

Способность ума к абстракции конкурирует с массовостью, с общепринятым. И если принять за отправную точку утверждение Ницше «силу ума можно измерить по количеству правды, которое он готов выдержать», то способность сохранять границы восприятия силой собственной незашаблонизированной воли неизбежно приведет к вопросу, на который ни философия, ни психология, ни даже поэзия за несколько тысячелетий ответа пока не нашли. Да и сама постановка вопроса в настоящее время свидетельствует, по словам ширнармасс, о наличии «лишнего свободного времени» и «чрезмерного увлечения философией», считая его риторическим и даже пошлым, что для меня лично говорит об одном – поставлен он неверно (речь идет о вопросе, который обычно формулируется как «для чего это все»). И хотя я чувствую, что Бог не сидит на облаке, и Странники не спасут декомпозирующееся на инфузории общество, понимаю, что жизнь моя конечна, и там, у границы, просто выключат свет, и ничего не будет – но знание, что фотон передает свое состояние другому фотону на расстоянии световых лет, заставляет усомниться если не в наличии выключателя, то в неизбежности руки, протянутой к нему.

Бессмысленное бездействие

Более всего в университете мы стремились попасть на лекции декана – на студента регионального вуза окончивший РУДН и обладавший энциклопедическими знаниями Юрий Людвигович производил сильное впечатление. Мы ловили каждый пассаж, чего стоит только «умный дипломат дважды подумает прежде, чем ничего не сказать». Он не занимался буквалистской, а растил умную аудиторию. До сих пор более всего меня восхищает в преподавателях именно эта потенция медленно возвращать, выстраивать человека. Мне посчастливилось за свою жизнь созерцать работу нескольких таких гениев, и, полагаю, именно им я обязана не столько этим текстом, сколько подобным менталитетом. Но самой важной инвестицией Юрия Людвиговича в нас было то, что он наперед всякой деятельности призывал добиться конфуцианской «чистоты имен», прояснить, что такое человек, воля, честность, и всё остальное – вообще всё. Много лет спустя я почувствовала, насколько эта мысль была серьезной, насколько важно дать определение и тем самым выделить понятие, предмет, сущность, отделить его от всего остального.

Ранее мы приняли постулат, что жизнь – это действие. Простейшую дефиницию термину «действие» дал А.Н. Леонтьев⁸: это процесс, направленный на реализацию цели, которая, в свою очередь, может быть определена как образ желаемого результата. Из этого заключим, что действием может выступать физический акт, вербальная и невербальная коммуникация, и даже отказ от коммуникации и действия. Сколько информации в себе несет немигающий человек, в полной тишине сжимающий в руках гранату. Стало быть, молчание, как смыслово наполненная интенция, также является элементом коммуникации. Знакомые с работами Станиславского сообщили бы, что тоже верно и для аподиктивного бездействия, как полноценного эквивалента действия, или скажем иначе – бездействия как полноправной части действия.

⁸ А.Н. Леонтьев. Деятельность. Сознание. Личность.

Довольно легко расправившись с семантически обусловленным актом, мы оставили за скобками действие немотивированное, такое как спонтанная покупка мороженого летним днем (оно не утоляет жажду и никак не поможет справиться летним зноем) или дергание влюбленным мальчиком девочки за косички (какое отношение это проявление имеет к любви?). Вы скажете: любое действие является мотивированным, вопрос лежит плоскости осмысления мотива. И этим, пожалуй, очертите границы разумности. Поздравляю – только что в нашем диалоге родилась мысль – мы определили грани того, что современная литература называет «осознанностью», определили, что это не врожденное свойство, а результат усилия. Принимая формулу М.Мамардашвили «жизнь – это усилие во времени», заключаем, что осознанность – это усилие по отношению усилию. И раз уж успешных людей отличает от остальных именно высокая степень этой самой осознанности, то формула успеха, пожалуй, может быть сформулирована так: успех – это усилие в квадрате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.